

НА ТЕМЫ ДРАМАТУРГИИ

США называют Западной Европе не только свои залежалые товары, но и бродвейскую драматургию. Эта декадентская, человеконенавистническая драматургия занимает видное место в «холодной войне», которую США ведут в Европе, стремясь деморализовать народы.

Мы публикуем статью немецкого журналиста Г. Эйлау, характеризующую засилье бродвейской драматургии на сценах западноберлинских театров.

Г. ЭЙЛАУ

БРОДВЕЙ НА КУРФЮРСТЕНДАММЕ*

Если вы преуспевающий американский писатель, если вы хотите победить своих конкурентов, если вы не хотите привлечь внимание комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, садитесь к своему письменному столу, берите в качестве темы хорошенькое убийство, совершенное из низменных побуждений, прибавьте к нему десять капель сентиментальности, пять капель психоанализа, двадцать пять капель извращенных чувств и шестьдесят капель кровавой сенсации, — перемешайте все это... Неужели найдется кто-нибудь, кто захочет поставить подобную пьесу? — спросите вы.

Ну, разумеется... В вечернем Нью-Йоркском небе над Бродвеем скоро засветятся электрические рекламы, которые оповестят о новой истории убийства. А потом — и это не заставит себя долго ждать — свежий образчик американского образа жизни начнет свой путь через океан, туда, где интересы американской политики требуют сбыта продуктов американской «культуры» подобного сорта. Туда, где холодная война создала свои очаги. Самым горячим из этих очагов является Западный Берлин. Здесь для подобного товара есть достаточно благодарных покупателей, здесь достаточно театров, репертуарные планы которых широко открыты низменному искусству, повествующему о тьме человеческой жизни и о ничтожности человеческой нравственности. Западноберлинские театры подчинили себя американскому бизнесу. Они ставят пьесы, направленные против жизни, они вызывают ушаты грязи на души своих зрителей.

Это началось сразу же после войны. Пьеса Торнтона Уайльдера «Нам еще раз удалось спастись» запугивала людей, только что вздохнувших после пережитой катастрофы, будущей катастрофой, еще более ужасной.

Нам пришлось увидеть тогда пьесу того же автора «Наш город» и возмутиться тем, как она ратовала за самоуничтожение людей, являющихся жертвами социальной несправедливости. Знай сверчок свой шесток! Будь покорен! Оставайся на своем месте! Оставайся глухим! Образование не насытит тебя! — такова мораль этой пьесы. Будешь следовать этой морали, и тебя вознаградит счастье в твоём маленьком городке.

Эта драматургия освещает жизнь ложным светом. Она искажает подлинные отношения явлений, прежде всего общественные отношения, стремясь ввергнуть зрителя в состояние душевной неуверенности и бесперспективности.

Именно поэтому эта американская драматургия работает при помощи ошеломительных парадоксов, именно поэтому она третирует нравственные основы, мораль, право, элементарные нормы человеческого общежития, а в иных случаях демагогически обращает эти принципы в свою противоположность. Она доказывает: убийца не виновен... Где вы видели более славного, более симпатичного парня, чем тот сильный, как медведь, и добродушный, слабоумный, который в пьесе «О мышках и людях»**, шедшей на сцене Шлосспартеатра***, всего-навсего придушил женщину, не пожелавшую

пойти навстречу его желаниям. Пьеса доказывает: он был прав, чего ради она отказывается?

В Геббельс-театре**** в пьесе «Стеклянный зверинец»***** зритель попал в положение человека, который подглядывает сквозь замочную скважину, как посторонние люди перемывают свое грязное белье, как мать и ее двое взрослых детей мучают друг друга в обстановке серой бесперспективной повседневности, на которую наложили отпечаток американские фильмы, американская жевательная резинка, американские доллары. Типичной фигурой в пьесе является жаждущий приключения сыночек, каждый вечер убегающий в кино, чтобы иметь возможность хоть полюбоваться на убийства, которых он не может совершить сам. «Потому что сейчас нет войны», — говорит он.

Потому что сейчас нет войны. Не правда ли, какое хорошее изречение? Война — вот цель, к которой хитроумными окольными путями ведут все эти пьесы, провозглашающие бессмысленность и бесперспективность жизни. Если единственная перспектива на будущее — убивать самому или быть убитым во имя прибылей акционеров военной индустрии, значит, у хорошо оплачиваемого продажного писателя нет задачи более важной, чем достаточно эффектное восприятие страсти к уничтожению человека, уничтожению физического или морального. Значит, у театров Западного Берлина нет задачи более важной, чем эффектно изобразить этот процесс убийства в интересах тех, кто содержит эти театры.

В пьесе «Конечная станция — тоска» женщину мучает и истязает муж, примитивный, эгоцентричный, жестокий, мучает до тех пор, пока она не погибает. Каждая сцена длинной пьесы изображает этапы этой гибели, в финале — сумасшедший дом.

В пьесе «Каменный ангел» на такой же лад излагается история добродетельной дочери священника: первая любовь, морфий, проституция, сифилис, самоубийство...

Обе эти пьесы, принадлежавшие одному и тому же автору, были сенсациями как на Бродвее, так и на Курфюрстендамме.

Интересны в этих пьесах не их человеконенавистнические сюжеты сами по себе, хотя их перечисление можно было бы продолжить сколь угодно. Интересно задать вопрос: почему именно в Западном Берлине поставлены эти пьесы с затратой стольких сил и такого артистического умения, которые было бы отрадно видеть у нас примененными для решения задачи более достойной?

Ответить на этот вопрос нетрудно. Для этого надо приглядеться и к другим дарам «ввозимой к нам американской «культуры». И в фильмах и в книгах одна и та же тенденция. Они воспевают разрушение человека, уничтожение всего человеческого в нем. Они живо доказывают, что это делает сама жизнь. Они живо уверяют, что желания и деяния бессмысленны, ибо они все равно приведут к мировому хаосу. Все это утверждается словом и музыкой, кинофильмами и постановками в сотнях вариантов.

Трудно назвать время, когда театр в такой степени забывал бы свои обязанности и в такой мере предавал бы интересы своей нации, как это делает сейчас театр Западного Берлина.

**** Геббельс-театр — драматический театр, расположенный в американском секторе Берлина.

***** «Стеклянный зверинец» — пьеса буржуазного американского драматурга Тэнесси Вильямса.

* Курфюрстендамм — улица в Западном Берлине, на которой расположены различные элитные и увеселительные заведения. Название ее стало собирательным понятием, символизирующим «культурную жизнь» Западного Берлина.

** «О мышках и людях» — инсценировка пьесы буржуазного американского писателя Дж. Стейнбека.

*** Шлосспартеатр — драматический театр, расположенный в английском секторе Берлина.